

*Имре Рещи*

PhD, ведущий научный сотрудник, Институт истории Центра гуманитарных исследований Исследовательской сети HUN-REN, Будапешт, Венгрия. 1097, Tóth Kálmán u. 4, Budapest. E-mail: ressi.imre@abtk.hu

## **Генрих Мозер — человек Бенямина Каллаи в Париже: к истории участия Альфонса Мухи в росписи павильона Боснии и Герцеговины на Всемирной выставке 1900 г.**

Статья посвящена практически неизученной стороне деятельности Бенямина Каллаи, занимавшего в 1882–1903 гг. пост министра общего Министерства финансов Австро-Венгрии и в этом качестве курировавшего преобразования в провинции Боснии и Герцеговины. Ему удалось создать административные рамки для формирования самостоятельной боснийской нации, в основе которой лежал принцип равноправия мусульманской и христианской общин, и успешно интегрировать провинцию в либерально-конституционное государственное устройство двуединой монархии. Для пропаганды успехов боснийской модернизации Каллаи открыл во Франции неофициальное представительство, создававшее в глазах мировой общественности с помощью разных медийных стратегий положительный образ страны, оставившей позади кровавые межэтнические столкновения. Автор статьи в ходе архивных изысканий обнаружил в Швейцарии, в Историческом музее Берна, личный архив Генриха (Анри) Мозера — коммерсанта и востоковеда, знатока мусульманского мира Средней Азии и доверенного лица Б. Каллаи, который около десяти лет с успехом взаимодействовал с мировой прессой, привлекал в Боснию иностранные инвестиции, продвигал боснийские товары на мировые рынки, популяризировал Боснию как туристическое направление с восточным колоритом. Корреспонденция и иные документы из бернского музея позволили детально восстановить историю создания павильона Боснии и Герцеговины на Всемирной выставке 1900 г., к художественному оформлению которого был привлечен живший в то время в Париже популярный чешский художник Альфонс Муха.

---

Статья впервые была опубликована на венгерском языке, см.: Ressi 2019. Печатается с разрешения автора, с изменениями и дополнениями.

*Ключевые слова:* Босния и Герцеговина, христианско-мусульманское соседство, социально-экономическая модернизация, образ страны, влияние на прессу, ориентальный туризм, историческая живопись в стиле модерн

Статья поступила в редакцию: 15 июня 2024 г.

Статья принята к печати: 24 июля 2024 г.

*Цитирование:* Решиш И. Генрих Мозер — человек Беньямина Каллаи в Париже: к истории участия Альфонса Мухи в росписи павильона Боснии и Герцеговины на Всемирной выставке 1900 г. // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 72–100. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.3>.

Во второй половине XIX в. в Австро-Венгрии, точно так же, как и в других европейских странах, постепенно формировались правительственные институты регулярного влияния на отечественную и зарубежную прессу. Эта деятельность, с одной стороны, на национальном уровне находилась в ведении департаментов прессы австрийского и венгерского правительств, на международном уровне, с другой стороны, ее координировали Литературное бюро общего Министерства иностранных дел и зарубежные представительства. Успешное влияние на прессу в большинстве случаев зависело от размеров финансовой поддержки, пропорциональной, в свою очередь, интересам власти. Но финансовые возможности Австро-Венгерской монархии в дипломатической сфере были скромны, как и в военной. Поэтому совсем не удивительно, что Леопольд Каммерхофер, автор главы о политике в отношении зарубежной прессы в томе «Габсбургская монархия. 1848–1918», посвященном истории дипломатии, обнаружил только неудачные кампании, проводившиеся в такие переломные моменты, как завершающая стадия объединения Германии, великий Восточный кризис 1875–1878 гг. или военно-политическое напряжение в связи с аннексией Боснии<sup>1</sup>. Поразительно, но авторы тома оставили вне внимания события за тридцатилетний период, с 1878 г. по 1908 г., между тем этот период, по моему мнению, был временем успехов зарубежной журналистики Австро-Венгрии. Понятно, что заслуга в этом принадлежала не аппарату Министерства иностранных дел, а заступившему в 1882 г. на пост министра общего Министерства финансов и двадцать лет исполнявшему эти обязанности Беньямину Каллаи (1839–1903). Журналистские успехи наряду с благоприятной ситуацией во власти объяснялись тем, что

<sup>1</sup> Kammerhofer 1996: 461–467.

Каллаи свел к минимуму устоявшиеся, традиционные практики, которые основывались исключительно на пресловутой меркантильности сотрудников газет и журналистов. Он взял на вооружение такие новые, опосредованные инструменты влияния на прессу, которые меньше задевали профессиональную гордость журналистов и в конечном итоге давали положительный результат. О пересмотре методов работы и кадрового обеспечения политики в области прессы Каллаи задумывался в бытность главой департамента Министерства иностранных дел, и в первые десятилетия на посту министра общего Министерства финансов, когда инициировал прием в штат Литературного бюро своего ключевого сотрудника Яноша Ашбота (1845–1911)<sup>2</sup>.

### Загадка одной комиссии

Одним из главных направлений политики Каллаи в области прессы стала пропаганда в Европе достижений боснийской модернизации. С этой целью в дополнение к образу ученого в кресле министра, распространявшемуся в венгерской и немецкоязычной прессе, он финансировал масштабные проекты, такие как подготовка многотомного научного страноведческого обзора Боснии и Герцеговины и его публикация на венгерском, немецком и английском языках. Именно в этом заключались обязанности его венгерского доверенного лица Я. Ашбота<sup>3</sup>. Масштабные усилия в конечном итоге были направлены на создание нового образа Боснии и Герцеговины, постепенно приобщающихся к достижениям модернизации. Первое крупное сообщение

<sup>2</sup> 28 ноября 1881 г. Литературное бюро заключило с Яношем Ашботом договор о том, что тот на три года ставит свое журналистское перо на службу Министерства иностранных дел с жалованием 4 тыс. фт. В газетах *Nemzet* («Нация») и *Ellenőr* («Контролер») печатались статьи Ашбота о необходимости оккупации Боснии. После назначения Каллаи министром финансов, исключительной обязанностью журналиста стала подготовка страноведческих материалов о Боснии. Во второй половине 1880-х годов он объединил свои увлекательные путевые заметки, зарисовки и очерки об истории, географии, социально-экономическом положении трех этноконфессиональных общин оккупированных провинций в несколько книг объемом около тысячи страниц и издал их на венгерском, немецком и английском языках. До последних дней Австро-Венгрии энциклопедические сведения, содержащиеся в его работе, влияли на восприятие Боснии как внутри страны, так и за рубежом. См.: AT-OeStA/HHStA. MdA. PL. Kt. 252. № 1.

<sup>3</sup> Vasas 2001: 238–255.

о Боснии в европейской прессе появилось в 1885 г. после открытия железнодорожной линии Мостар — Меткович, соединившей внутренние районы Боснии с морем. В ходе торжеств неоднократно прозвучало, что Австро-Венгерская монархия — неотъемлемая часть европейской цивилизации, но администрация, отправление правосудия, народное просвещение и дела религий организованы в соответствии с традициями провинций.

С середины 80-х годов XIX в. прежде всего французская пресса, в особенности журнал *Revue des deux Mondes* («Обозрение Старого и Нового Света»), стала международным глашатаем достижений австро-венгерского управления Боснией. К тому времени был реализован план Каллаи — ангажировать — на средства бюджета провинции, иностранных экспертов для репортажей о положении дел в Боснии. Французы в первую очередь писали об административной реформе мусульманских фондов — вакуффов, и призывали использовать боснийский опыт для умиротворения бунтовавших против французского владычества мусульман, например в Алжире<sup>4</sup>. В конце 1880-х годов Ашбот стал депутатом парламента, и с возвращением в венгерскую политическую жизнь отношения с Каллаи стали более прохладными. Французское направление пропагандистской боснийской политики в последующие годы только усилилось, хотя заменить Ашбота сопоставимой по масштабу и эрудиции фигурой в Литературном бюро не удалось. Изучая биографию Б. Каллаи, но не имея сведений о человеке, который взаимодействовал с прессой во франкоязычных странах, я не мог понять, как, из какого источника находившийся в Вене министр, например, узнал о жившем тогда в Париже чешском художнике Альфонсе Мухе (1860–1939) и почему доверил ему создание серии картин для павильона «Босния и Герцеговина» на всемирной выставке 1900 г.

Первым лучиком, проливающим свет на туманный сюжет с созданием исторических полотен, стала страница в биографии Мухи,

---

<sup>4</sup> HU-MNL-OL. P. 344. Kállay Béni hagyatéka. 45. kt. Kállay Bénire vonatkozó újságcikkek, közlemények 1882–1885 // Francia könyv Bosznjáról. Pesti Napló, 1896. VIII 22: 5. Специалист в области сельского хозяйства Гийом Капо (1857–1931) по поручению французского правительства провел длительное время в провинции и написал книгу о боснийском опыте, применимом в североафриканских колониях Франции, см.: *Capus G. A travers de la Bosnie et l'Hercegovine. Etudes et impressions de voyage.* Paris: Librairie Hachette, 1896. 96 p.

когда он внезапно приехал в Венгрию. Оказалось, что посредником в Париже выступил австрийский надворный советник Мозер, который и выхлопотал для него заказ<sup>5</sup>. Но даже располагая этой очевидно достоверной информацией я никак не мог продвинуться дальше в прояснении обстоятельств заказа. Несмотря на распространенное имя, я не смог найти посредника Мозера в списках служащих общих или австрийских министерств. Некоторое время спустя в ходе поисков в интернете я все-таки убедился, что Муха верно запомнил имя агента, ошибся лишь в должности. Несмотря на громкий титул надворного советника, напоминавший о величии Двудеиной монархии, Мозер не состоял на государственной службе, но был чем-то вроде агента по особым поручениям в непосредственном подчинении у Бенямина Каллаи. Эта должность, для которой непросто подобрать определение, показывает, что в бюрократических дебрях «Какании»<sup>6</sup>, как назвал двудеиную Австро-Венгерскую монархию австрийский писатель Роберт Музиль (1880–1942) в знаменитом романе «Человек без свойств», с ее разросшимся государственным аппаратом и экзотическими званиями, с трудом ориентировались не только современники, но и историки последующих поколений. Для популяризации успехов модернизации Боснии за границей Каллаи создал в Париже неофициальное боснийское представительство. Деятельность подобной организации не регулировалась международным правом, поскольку обе провинции с формальной точки зрения находились под суверенитетом турецкого султана. Однако уже тогда существовали аналоги, и как раз в Австро-Венгерской монархии. Боснийское представительство, созданное Каллаи в Париже, с точки зрения неофициального статуса и полномочий была похожа на созданную венгерскими правительствами в Австрии и за рубежом сеть торгово-экономических представителей, которые информировали начальство на родине о событиях в мире финансов, перспективах сельскохозяйственного производства и промышленного

<sup>5</sup> Mucha J. Alfons Mucha. Budapest: Tandem Grafka Stúdió, 2005. 205–206. old.

<sup>6</sup> *Какания* — вымышленная страна, в которой происходит действие романа Р. Музиля «Человек без свойств». Пробразом послужила Австро-Венгрия, а имя произведено от двух латинских букв K, с которых начинались прилагательные «kaiserlich» (императорский) и «königlich» (королевский), фигурировавшие в названиях общенемецких институтов (*прим. перев.*).

развития<sup>7</sup>. Ранее в историографии не было сведений о том, что боснийское правительство создало и содержало подобную структуру. Между тем, начиная с 1895 г. швейцарский ориенталист и предприниматель Генрих Мозер (1844–1923) под руководством Каллаи около десяти лет работал в Париже представителем Боснии и Герцеговины<sup>8</sup>.

### **Генрих Мозер: предприниматель и путешественник**

Отец А. Мозера был часовщиком, который открыл мастерскую в России и в середине XIX в. основал на родине, в Шаффхаузене, по сей день процветающий часовой дом *H. Moser & Cie*. Генрих родился в Санкт-Петербурге, выучился хорошо говорить по-русски, поэтому отец поручил ему руководить продажей часов по всей России. Молодого человека, однако, увлекало научное изучение закрытого для европейцев, непознанного мира мусульманской Средней Азии. Он использовал связи в верхах российского общества и чин отставного офицера царской армии для того, чтобы вслед за венгром Армином Вамбери (1832–1913), заручившись его рекомендательным письмом к бухарскому эмиру, объехать и изучить перешедший под власть

---

<sup>7</sup> В эпоху дуализма первым таким представителем венгерских правительств стал историк Лайош Таллоци (1857–1916), см.: Röss 2010: 54–58. Начиная с 1890-х годов у венгерских министерств сельского хозяйства и торговли в важнейших европейских экономических центрах были постоянные торгово-промышленные корреспонденты, но их деятельность изучена крайне мало, см.: Lakos 1977–1978: 215–218.

<sup>8</sup> НМВ ЕАНМ. [Henri Moser, Erinnerungen] Bosnien-Herzegowina Charlottenfels, Februar 1916. Из разрозненных ссылок в научной литературе и после знакомства с городским архивом Шаффхаузена стало очевидно, что в Историческом музее Берна отложился богатый личный архив А. Мозера. Этому учреждению, выполняющему функцию швейцарского национального музея, он завещал исключительно ценные восточные этнографические коллекции и рукописи. В музее в первую очередь описали материальные объекты, рукописи же в 1916 г., в момент передачи в музей, в неразобранных коробках складировали в служившей хранилищем деревянной постройке. На мой запрос в 2010 г. музей не смог дать никакого содержательного ответа. Только на месте выяснилось, что этот обойденный вниманием исследователей архив хранит ценнейшие источники по истории биографии Каллаи. Мозер тщательно сохранил и педантично сгруппировал в хронологическом порядке переписку с Каллаи и его ближайшими подчиненными и собрал опубликованные при его посредничестве газетные статьи. Письма, содержавшие секретную информацию, он предвзвешенно уничтожил.

России исламский мир Средней Азии<sup>9</sup>. О своих впечатлениях он написал в ряде трудов по географии и этнографии, изданных на немецком и французском языках<sup>10</sup>. Дела фирмы он забросил, отчего в конце разругался с отцом, который отказал ему в финансировании научных экспедиций и лишил права на наследство. В 1880-е годы А. Мозер начал новую жизнь в Венгрии, где его сестра София (1839–1921) была замужем за трансильванским графом Бенедекком Микешем (1819–1878)<sup>11</sup>. Родство с венгерскими аристократами и положение сестры при венском дворе помогли в начале новой карьеры. Мозер занялся экспортом венгерских лошадей в Западную Европу, благодаря связям Микешей, предпринимательскому таланту и страсти к охоте он быстро вошел в круги венгерской аристократии<sup>12</sup>. Графиня Вилма Беглен, состоявшая в родстве с Микешами, обратила внимание мужа, Бенямина Каллаи, на приехавшего из России швейцарца, с которым тот быстро нашел общий научный интерес: сложности европеизации исламского мира. Каллаи особо интересовал вопрос российской политики в Туркестане, о чем Мозер знал не понаслышке<sup>13</sup>. Он высоко оценивал достижения Вамбери как первопроходца в деле изучения исламского мира Средней Азии. Но в отличие от него полагал, что ислам был ближе к мистицизму русских, чем к прагматичному миру англичан и вообще западноевропейцев, поэтому полагал, что влияние России будет в регионе доминировать<sup>14</sup>.

В начале 1890-х годов Мозер для знакомства с политическим положением в Боснии сопровождал Каллаи во время одной из его

---

<sup>9</sup> На научных чтениях Венгерского географического общества в 1884 г. А. Вамбери доложил о научных результатах путешествия Мозера и упомянул о том, что при посредничестве графа Бенедэка Микеша тот получил рекомендательное письмо к эмиру Бухары. См.: Földrajzi Közlemények. 1884. 12. köt. 451.–452. old.

<sup>10</sup> Moser H. À travers l'Asie Centrale: La steppe Kirghize, le Turkestan Russe, Boukhara, Khiva, le pays des Turcomans et la Perse. Impression de voyage. Paris: E. Plon, 1885. 463 p.; *Idem*. Durch Zentralasien: Die Kirgisiensteppe, Russisch Turkestan, Bochara, Chiwa das Turkmenenland und Persien. Reiseschilderungen. Leipzig: Brockhaus, 1888. 441 p.

<sup>11</sup> Pfaff 1969: 212–222; Székely 2009: 22–40.

<sup>12</sup> Moser H. Jagd Erinnerungen aus dem Occupation Gebiete // A. Hugo's Jagdzeitung. 1895. XII 1. № 38. S. 678–683; Jagdliches aus Háromszék // Kronstädter Tageblatt. 1895. X 3; Moser H. Waldschnepfen Jagd in Siebenbürgen // A. Hugo's Jagdzeitung. 1898. XI 15. № 41.

<sup>13</sup> HMB EA NM. [Henri Moser, Erinnerungen] Bosnien-Herzegowina Charlottenfels, Februar 1916.

<sup>14</sup> Upnekhat // Neues Pester Journal. 1897. I 13.

регулярных министерских поездок туда. Начиная с 1892 г. швейцарский предприниматель в качестве агента австрийского Министерства торговли достиг известных успехов: во время франко-швейцарской торговой войны добился замещения исчезнувших с рынка модных товаров из Парижа на премиум-товары венского производства<sup>15</sup>. Время от времени он информировал Каллаи о рыночном потенциале вошедших в моду изделий боснийских ремесленников с ориентальным исламским колоритом и об усилиях, направленных на увеличение вложений в боснийскую экономику<sup>16</sup>. С окончанием швейцарского мандата Мозер был готов поступить на службу в качестве постоянного представителя боснийской провинциальной администрации<sup>17</sup>, но парижское консульство сочло это нежелательным из-за его чина российского офицера<sup>18</sup>, и в конечном итоге он отказался от идеи стать чиновником. Каллаи привязался к Мозеру настолько, что в качестве компромиссного решения создал для него должность непосредственно подчиненного министру парижского представителя, занимавшегося экономикой, торговлей и связями с прессой. Приоритетными среди служебных обязанностей Мозера стали вопросы, связанные с внешней торговлей, поскольку Каллаи хотел удовлетворить повышенный спрос европейцев на модные восточные вещицы из Боснии, организовать экспорт герцеговинского табака и боснийской сливы, привлечь инвестиции в оккупированные провинции. Затем следовало рекламировать Боснию и Герцеговину как привлекательное, экзотическое и безопасное туристическое направление, регулярно публиковать в международной прессе информацию о достижениях балканской модернизации.

### **Босния и Герцеговина — туристический рай**

Массированная реклама Боснии и Герцеговины как туристического направления началась уже в середине 1880-х годов и шла рука об руку с пропагандой успехов, достигнутых в ходе модернизации.

---

<sup>15</sup> НМВ ЕА НМ. Oesterreichisches Handelsmuseum 1892–1894. Австро-Венгрия существенно увеличила за счет Франции объемы экспорта сахара в Швейцарию, см.: Eysoldt 1914: 395.

<sup>16</sup> Б. Каллаи — Г. Мозеру, Вена, 25 ноября 1893 г. НМВ ЕА НМ.

<sup>17</sup> Г. Мозер — Б. Каллаи, Вена, 9 октября 1894 г. НМВ ЕА НМ.

<sup>18</sup> АТ-ОеStA/ННStA. MdÄ. Konsulatsarchiv Paris, Kt. 554. № 1.



Чтобы изменить в общественном мнении Европы негативный образ страны, ассоциировавшейся с боснийским восстанием и ужасами русско-турецкой войны, на положительный, родился слоган «Босния — восточная Швейцария», отправиться куда было не рискованнее, чем в Штирию или Каринтию. Предлагались оригинальные маршруты, соединявшие поездку в венгерскую Пусту<sup>19</sup> с сулившимся приключением путешествием в Боснию<sup>20</sup>. К первостепенным обязанностям Мозера относилось написание путеводителей по Боснии и Герцеговине на английском и французском языках, ремонт сети отелей, стоявших на балансе министерства, и обновление их в соответствии с запросами западноевропейских путешественников, увеличение доли туристов из Англии и Франции<sup>21</sup>. В последнем ему удалось добиться заметных успехов: благодаря скидкам, предложенным лондонским туристическим агентством *Cook* и Международным обществом железнодорожных спальных вагонов (*Compagnie Internationale des Wagons-lits*) на цивилизованном европейском «Востоке» в последние годы XIX в. побывало немало англичан и французов<sup>22</sup>.

Подлинной туристической Меккой стал курорт Илиджа (Илидзе) близ Сараева, построенный по инициативе Каллаи. Для гостей из высшего общества и широких масс небогатых туристов был построен ипподром, ничуть не уступавший будапештскому. Он пользовался особой популярностью у иностранных жокеев, привлеченных высокими призовыми суммами, и на такие заезды стекались толпы местных жителей. Бывали дни, когда ипподром посещало до 30 тыс. человек. Скачки объективно способствовали консолидации населения, его постепенного превращения в классическую, в понимании XIX в., нацию, над чем неустанно работал Каллаи, ибо ипподром стал

---

<sup>19</sup> *Пуста* (венг. *pusztá*) — обширный степной регион на северо-востоке Венгрии, часть Среднедунайской низменности, Альфёльда. Туристов привлекал идеально плоский ландшафт, просматривавшийся на мили вокруг, стоянки пастухов в традиционных одеждах, зрелищные конные соревнования, корчмы с цыганской музыкой и простой, но сытной едой (*прим перев.*).

<sup>20</sup> HU-MNL-OL. P 344 Kállay Béni hagyatéka, 46. köt. Kállay Bénire vonatkozó újságcikkek, közlemények.

<sup>21</sup> Moser H. L'Orient inédit: À travers la Bosnie et l'Herzégovine. Paris: Compagnie internationale des wagons-lits et des grands express Européens, 1895. 76 p.; Moser H. An oriental holiday. Bosnia and Herzegovina. A handbook for the tourist / drawings by G. Scott. London: The International Sleeping Car Company, 1895.

<sup>22</sup> См.: Cameron 2023: 240–248.

местом, где ослабевали разделявшие боснийское общество конфессиональные границы. Для привлечения туристов список зрелищных спортивных мероприятий, проводимых в Илидже, по инициативе Мозера дополнили популярными у публики соревнованиями в стрельбе по голубям. Призовой фонд был установлен даже выше, чем в Монте-Карло, который считался главным центром данного вида спорта<sup>23</sup> в Европе, это событие не осталось без внимания мировой общественности. Впрочем, несколько стрелков пропустили соревнования, потому что среди западноевропейцев было немало тех, кто плохо ориентировался в восточной части континента. Перепутав Богемию с Боснией, они вместо Сараева отправились в Прагу<sup>24</sup>. В 1902 г. боснийские власти, желая продемонстрировать успехи модернизации в своей провинции, запустили соревнования по новому техническому виду спорта, который ждало большое будущее — автомобильные гонки. При содействии французского автоклуба Мозер организовал первые континентальные соревнования на туристических автомобилях по маршруту Париж — Вена — Будапешт — Сараево<sup>25</sup>.

В формировании положительного образа Боснии и Герцеговины наибольших успехов удалось добиться в целенаправленном развитии научного туризма. В 1894 г. Каллаи выделил средства для проведения археологического и антропологического конгресса в исключительно богатой археологическими находками Боснии, чтобы французские, итальянские, немецкие, английские и шведские ученые, помимо решения научных задач, собственными глазами увидели успехи модернизации по европейским лекалам. По случаю конгресса Мозер ловко использовал методы непрямого влияния на прессу. Он не проплачивал хвалебные статьи о работе конгресса, но пригласил редакторов ведущих франкоязычных газет (женевской *Journal de Genève* («Женевская газета»), парижских *Figaro* («Фигаро»), *Temps* («Время») и др.) и парижских корреспондентов влиятельных иностранных газет *Times* («Время») и *Kölner Zeitung* («Кёльнская газета») посетить

---

<sup>23</sup> *Стрельба по голубям* — вид соревнований по стрельбе, популярный в аристократической среде с конца XVIII в. В 1900 г. (один-единственный раз) был олимпийским видом спорта на летних Олимпийских играх в Париже (*прим. перев.*).

<sup>24</sup> *Moser H.* Das erste internationale Taubenschießen in Sarajevo — Ilidze // *A. Hugo's Jagdzeitung.* 1896. VII 15. № 39. S. 423–428.

<sup>25</sup> Э. Горовиц — Г. Мозеру, Вена, 20 февраля 1902 г.; Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 11 июня 1902 г. НМВ ЕА НМ.

Боснию с неформальным визитом, в ходе которого они на торжественном приеме встретились, к своему удивлению, с министром, ответственным за управление провинцией<sup>26</sup>. Положительные отклики, прозвучавшие после конгресса, превзошли все ожидания. В авторитетных газетах и специализированных журналах появились статьи о том, что вопрос мирного сосуществования конфессий решен в Боснии куда лучше, чем в других уголках Европы.

Впоследствии Мозер не раз организовывал подобные туры для прессы и сумел уговорить ряд французских ученых провести этнографические, антропологические, археологические и иные изыскания в качестве гостя провинциального правительства<sup>27</sup>. В результате к концу столетия в международном общественном мнении сформировалась картина страны, движущейся к европейской цивилизации, и образ Каллаи как ученого министра и успешного модернизатора. Часто звучавшее сравнение «Каллаи — Кольбер Балкан» намекало на масштаб достижений, помогало запомнить непривычное для французского уха венгерское имя. На основании конфиденциальных бесед с министром и содержания закрытых совещаний с императором Мозер пришел к выводу, что Каллаи и Франц Иосиф средствами пропаганды готовили общественное мнение к окончательной аннексии оккупированных провинций<sup>28</sup>.

На рубеже веков успехи мирного развития воспринимались положительно, потому что ни одна из великих держав не была заинтересована в том, чтобы спустя два десятилетия после великого восточного кризиса вернуться к вопросу о Боснии — предвестнику нового конфликта. В парижской прессе критические статьи о Боснии появлялись только в получавшей от российского правительства ежегодные субвенции в размере 50 тыс. золотых рублей газете *Nord* («Север»), которые, по информации Мозера, под именем боснийского серба писал третий секретарь посольства Российской империи во Франции<sup>29</sup>. Полностью незамеченной осталась диссертация, защищенная в Парижском университете сербским юристом Мирославом

<sup>26</sup> Kulturarbeit im Osten // Schaffhauser Nachrichten. 1894. VIII 23; Palavestra 2014: 687–689.

<sup>27</sup> Б. Каллаи — Г. Мозеру, Вена, 20 августа 1898 г. НМВ ЕА НМ.

<sup>28</sup> НМВ ЕА НМ. [Henri Moser, Erinnerungen] Bosnien-Herzegowina Charlottenfels, Februar 1916.

<sup>29</sup> Г. Мозер — Б. Каллаи, [1898]. НМВ ЕА НМ.

Спалайковичем (1869–1951): он доказывал исключительно сербский характер Боснии и настаивал на провале там австро-венгерской политики<sup>30</sup>. Какая-либо реакция на публикацию диссертации отсутствовала, поэтому Мозер не посчитал целесообразным инициировать полемический отклик<sup>31</sup>.

### Всемирная выставка 1900 г. в Париже

В богатом послужном списке Мозера числится и подготовка отдельного представительства Боснии и Герцеговины на Всемирной выставке 1900 г. в Париже, а организация для нее собственного выставочного павильона стала одним из самых важных поручений. Для решения столь важной задачи Каллаи еще в канун Всемирной выставки 1897 г. придал Мозеру полномочия специального представителя по делам выставок. Боснийским партнером Каллаи стал советник провинциальной администрации в Сараеве по вопросам науки и культуры, широко известный в Европе издатель мусульманских народных песен Коста Хёрманн (1850–1921). Новый кредит доверия Мозер получил благодаря успеху павильона Боснии, в кратчайшие сроки возведенного на Международной выставке 1897 г. в Брюсселе: там посетителей знакомили с девственной красотой боснийской природы, традиционным образом жизни ее жителей, мусульманскими обычаями и достижениями цивилизации за пятнадцать лет пребывания Каллаи на посту министра<sup>32</sup>.

На парижской выставке Мозер, вооружившись брюссельским опытом, хотел с помощью художественных инноваций привлечь внимание международной общественности к самобытности Боснии и Герцеговины и успешной практике европеизации мусульманского населения. По-видимому, именно Каллаи — щедрый патрон археологических раскопок и фундаментальных исторических исследований — предложил представить на выставке малоизвестную и воспринимавшуюся уникальной историю Боснии в форме впечатляющего художественного произведения. Для претворения в жизнь этой идеи Мозер, для большего эффекта, посоветовал не ограничиваться

<sup>30</sup> *Spalaikovitch M.J.* La Bosnie et l'Herzégovine. Etude d'histoire diplomatique et de droit international. Paris: A. Rousseau, 1899. XLIII, 343 p.

<sup>31</sup> Э. Горовиц — Г. Мозеру, Вена, 16 мая 1899 г. НМВ ЕА НМ.

<sup>32</sup> Sebestyén 2020: 131–135; Csaplár-Degovics 2022: 58–62.

традиционными формами исторической живописи, но пригласить пользовавшегося успехом у парижской публики Альфонса Муху, творившего в стиле модерн. В художественном оформлении павильона в любом случае наблюдалось стремление к определенному балансу, поскольку большая панорамная картина «Сараево» для фойе была заказана представителю предыдущего поколения, пейзажисту барбизонской школы, писавшему с фотографической точностью, уроженцу чешской Силезии Адольфу Кауфманну (1848–1916). Из позднейшей переписки Мозера с очевидностью следует, что Каллаи в личных беседах согласился, чтобы Муха получил заказ на роспись большого зала боснийского павильона на Всемирной выставке в Париже, задуманного в характерном мусульманском стиле<sup>33</sup>. Мозер способствовал тому, что из бюджета выставки была выделена немалая сумма для оплаты гонорара востребованному модному художнику. За боснийский исторический цикл и роспись большого выставочного зала Муха запросил 30 тыс. крон, что равнялось жалованию генерального консула Австро-Венгрии за четыре года.

Муха небыстро и неохотно принял предложение боснийской администрации, широко критикуемой в чешском обществе за, как утверждалось, угнетение славян. Это не было спонтанным решением<sup>34</sup>. В конечном итоге, на создание боснийского цикла Муха согласился еще до того, как летом 1899 г. в Париж прибыл австрийский комиссар по делам всемирной выставки Вильгельм Экснер (1840–1931). В любом случае, он никак не мог попросить Муху — как следует из биографии — взяться за этот цикл, поскольку не имел таких полномочий. На самом деле Муха при посредничестве Мозера — помимо написания боснийского исторического цикла — принял участие в оформлении австрийского павильона на Всемирной выставке и изготовил плакат австрийской выставки и обложку ее каталога<sup>35</sup>.

Из-за нешуточных государственно-правовых баталий, разгоревшихся в Австро-Венгрии на рубеже веков, монархия была представлена на Всемирной выставке тремя расположенными по соседству павильонами — австрийским, венгерским и боснийским, каждый из которых стоял на балансе, соответственно, правительств Австрии,

<sup>33</sup> Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 25 апреля 1899 г. HMB EA NM.

<sup>34</sup> Mucha J. Alfons Mucha. Ein Künstlerleben. Berlin: Volk und Welt, 1986. S. 290–294, ср.: Mucha J. Alfons Mucha. Budapest, 2005. 205.–207. old.; Weidinger 2009: 52.

<sup>35</sup> Hlavačka, Orlíková, Štembera 2002: 29, 40–42.

Венгрии и Боснии. Что касается своевременного возведения выставочных павильонов или заполнения залов высококачественными экспонатами, во всем чувствовался дух конкуренции. В этой гонке, по оценке Мозера летом 1899 г., лучше всех дела обстояли у венгров, в то время как у австрийцев сдача павильона в эксплуатацию существенно задерживалась. Одно время строительство боснийского павильона застопорилось, отчего под угрозой оказалось создание задуманного исторического цикла, заказанного Мухе. Архитектором и застройщиком боснийского павильона был выбран влиятельный сараевский архитектор — чех Карел Панек (1860–?)<sup>36</sup>, к великому разочарованию Мозера, он раскритиковал художественный замысел Мухи<sup>37</sup>. Панека не устраивали пространственные решения, которые позволили бы разместить в павильоне произведение его парижского земляка. Более того, он не раз неприязненно и высокомерно отзывался о предложенных Мухой архитектурном и художественном решении большого выставочного зала. Поэтому начиная с 1899 г. Мозеру приходилось выполнять роль посредника между чешским архитектором из Сараево и чешским художником в Париже. Несмотря на то, что Муха в ряде вопросов пошел на уступки, Панек не был готов к компромиссам. В самом большом из выставочных залов он предлагал установить двойной ряд деревянных колонн, что, по мнению Мозера, создавало ненужную скученность и вредило восприятию выставочного пространства. Чтобы положить конец зашедшим в тупик спорам, Панек представил министру на утверждение строительную документацию и макет павильона, выполненный по рисункам А. Мухи одним из учеников<sup>38</sup>. Каллаи под предлогом, что выставочное пространство слишком тесное, а ряды колонн вызывают ассоциации с интерьером сельской православной церкви, распорядился, чтобы архитектор переработал проект и увеличил площадь центрального выставочного зала<sup>39</sup>. Мозер и раньше предлагал, чтобы сам министр или начальник боснийского департамента министерства Э. Горовиц заслушали мнение Мухи относительно перестройки выставочного павильона. По всей видимости, до такого совещания накануне принятия решения о перестройке павильона очередь не дошла,

<sup>36</sup> Rampley 2021: 13.

<sup>37</sup> Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 27 апреля 1899 г. НМВ ЕА НМ.

<sup>38</sup> Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 21 мая 1899 г. НМВ ЕА НМ.

<sup>39</sup> П. П. Ку — Г. Мозеру, Вена, 17 июня 1899 г. НМВ ЕА НМ.

поскольку распоряжение министра о перестройке павильона подписано датой, когда Муха в июне 1899 г. покинул Париж и по приглашению австрийского комиссара по делам выставки, отправился в Вену с заездом в Моравию<sup>40</sup>.

### Ознакомительная поездка Альфонса Мухи в Боснию и Герцеговину

Материалы личного архива Мозера в сочетании с делопроизводственными документами боснийского правительства проясняют обстоятельства создания боснийского исторического цикла и отвечают на вопрос, что произошло во время пребывания Мухи в Вене летом 1899 г., и это противоречит распространенным в историографии взглядам. Они опираются на чешскую биографию Альфонса Мухи, где со ссылкой на рукописные мемуары престарелого художника упомянуты только консультации с австрийским комиссаром по делам выставки Вильгельмом Экснером. Не вызывает сомнений, что данный эпизод действительно имел место, поскольку Муха взялся за роспись австрийского павильона и участие в отборе полотен австрийских и чешских художников для всемирной выставки. Однако утверждение, что Экснер одобрил проект боснийского исторического цикла и поддержал идею поездки в Боснию, не имеет под собой оснований, поскольку компетенция чиновника не распространялась на боснийские дела<sup>41</sup>.

Человеческая память избирательна и порой сохраняет искаженную картину событий прошлого. К сожалению, стершиеся за давностью лет воспоминания художника о том, кто и как заказал ему боснийский цикл, были некритически приняты на веру авторами каталогов на чешском/английском и немецком языках (в остальном являющихся чрезвычайно качественными исследованиями), которые были подготовлены к выставкам Альфонса Мухи в Праге (2002 г.) и в Вене (2009 г.)<sup>42</sup>. Между прочим, Петр Штембера, размышляя об истории создания боснийского павильона, указал на необходимость исправить в пражском каталоге одностороннюю постановку

<sup>40</sup> Г. Мозер — П. Р. Ку, Париж, 18 июня 1899 г. HMB EA NM.

<sup>41</sup> *Mucha J.* Alfons Mucha. Ein Künstlerleben. Berlin, 1986. S. 290–291, ср.: *Mucha J.* Alfons Mucha. Budapest, 2005. 205.–206. old.

<sup>42</sup> Hlavačka, Orlíková, Štembera 2002: 45–51; Weidinger 2009: 51.

вопроса об отношениях между Экснером и Мухой<sup>43</sup>. Одновременно не вызывает сомнений, что эти исследования стали подлинным прорывом в ознакомлении общественности с выдающимися произведениями художника.

Из архивных источников видно, что в ознакомительную поездку в Боснию художника, по решению Б. Каллаи, выделившего на эти цели денежные средства, отправило общее, австро-венгерское Министерство финансов, чтобы тот на месте изучил историю и природу страны, что вдохновило бы его на создание боснийского цикла. Художник собственноручно подписал обязательство по окончании путешествия представить на утверждение министерством тематический план цикла картин, посвященных истории Боснии.

Можно достоверно реконструировать ту интеллектуальную среду, в которой вращался Муха во время путешествия. Как перед отъездом, так и по возвращении он консультировался с сотрудниками боснийского отдела общего Министерства финансов, которые обеспечили организационное сопровождение путешествия и прием в Боснийском государственном музее. Кстати, музей также участвовал в подготовке представительства Боснии на Всемирной выставке в Париже. Его директор К. Хёрманн в должности комиссара координировал подготовительные мероприятия, в то время как его коллега-историк Чиро Трухелка (1865–1942) трудился над экспозицией раздела по истории, отвечал за презентацию в Париже сенсационных археологических находок<sup>44</sup>. Именно эти два человека во время пребывания Мухи в Сараеве сыграли ключевую роль в создании боснийского цикла. С боснийскими народными традициями, с древними преданиями, богато представленными на полотнах, его познакомил Хёрманн, об истории Боснии рассказал Трухелка. Он был активным членом собравшегося вокруг Л. Таллоци кружка историков, работавших над созданием самостоятельного боснийского исторического нарратива, призванного сформировать у конфессионально разобщенного населения провинции общую культурно-историческую идентичность. В сюжетах исторического цикла Мухи можно обнаружить ряд сюжетов, обосновывающих историческую

<sup>43</sup> Hlavačka, Orliková, Štembera 2002: 88.

<sup>44</sup> Arhiv Bosne i Hercegovine Sarajevo. Gemeinsames Finanzministerium — Abteilung für Bosnien und die Herzegowina. Allgemeine Akten, 1899–7361.



концепцию независимой Боснии. Изображая обретение боснийцами родины, художник отказался от темы этнического разнообразия и сделал акцент на заселение территории славянами. Конечно, в этом можно увидеть манифестацию идеи славянской взаимности, но вместе с тем очевидно дистанцирование от национальных концепций истории как сербов, так и хорватов, ассоциировавших боснийцев со своими народами.

Изображение ранней истории Боснии как этнически единого организма по инициативе Л. Таллоци в начале 1890-х годов вошло в учебники истории для боснийских народных школ, позднее появилось в некоторых научных трудах по истории. Далее, в историческом полотне Мухи важное место было отведено богомильству как средневековой боснийской национальной религии и прославлению двух исторических личностей, символизировавших независимость и величие средневековой Боснии<sup>45</sup> — бана (правителя) Кулина (1163–1204), защищавшего территориальную целостность страны в XIII в., и первого боснийского короля Твртко (1338–1391), основателя династии Котроманичей, коронация которого в 1377 г. ввела Боснию в ряд средневековых европейских королевств. Вернувшись из ознакомительной поездки, Муха, судя по всему, вновь остановился в Вене и в начале августа принял участие в совещании, на которое его хотел пригласить Мозер, чтобы в общем Министерстве финансов обсудить с ним строительство боснийского павильона и создания исторического панно, прояснить денежные вопросы. Неизвестно, кто точно принимал участие в совещании, от него не осталось ни заметок, ни протокола, но именно тогда было принято решение о размере гонорара, поскольку Мозер в письмах больше не возвращался к этому вопросу. Столь важное решение, однако, мог принять только лично министр, то есть Бенъямин Каллаи, которому несомненно доложили о концепции задуманного исторического цикла. Так или иначе, в середине августа Муха уже вернулся в Париж, где в присутствии Мозера договорился с архитектором Панekom, который теперь, в соответствии с поручением министра, выказывал готовность переработать архитектурный проект павильона, чтобы он удовлетворял требованиям размещения в нем исторического цикла.

---

<sup>45</sup> Ress 2010: 61–72.

## Павильон «Босния и Герцеговина» на Всемирной выставке

По итогам консультаций Мозер полагал, что для написания исторического цикла потребуются пять месяцев интенсивной работы. Согласно производственному плану, написанные Мухой панно и полотна должны были быть размещены в павильоне не позднее середины февраля 1900 г., чтобы затем до открытия в апреле было время для убранства помещений и заполнения их экспонатами<sup>46</sup>. Как опытный организатор выставок, Мозер, чтобы уложиться в сроки, мотивировал Муху к активной работе промежуточными денежными выплатами, соразмерными выполненным объемам работ. Но к середине сентября с удивлением узнал, что в мастерской художника стоят незавершенными полотна, деньги за которые были давно уплачены. Муха одновременно брался за многочисленные заказы и часто у него не было времени даже для того, чтобы проконтролировать и подстегнуть учеников, подряженных для выполнения исторического цикла. Поэтому Мозер не без долгих уговоров художника выплатил очередную долю гонорара и, чтобы в дальнейшем исключить отставание от графика, вызвал в Париж жившего в Сараеве немецкого художника Эдварда Арндта (1860–?), чтобы тот надзирал за написанием боснийского цикла<sup>47</sup>. Мозер не без оснований считал, что Муха с учениками именно благодаря «жандармским» методам Арндта энергично взялись за работу в арендованной для этих целей мастерской. В середине ноября он радостно сообщал, что Муха — «огонь и пламень», полон творческого горения, и не сомневался, что боснийский исторический цикл ждал большой успех<sup>48</sup>. Налаженному творческому процессу помешал мелкий бюрократический конфликт. Осенью посмотреть на работы по возведению павильона приехал один из сараевских комиссаров по делам всемирной выставки, Коста Хёрманн, с которым Мозер не без труда находил общий язык. Их напряженные отношения стали причиной скандала, разразившегося вокруг сюжетов и художественных приемов исторического цикла Альфонса Мухи. Позднее Хёрманн доложил министру о парижских впечатлениях и, предъявив несколько эскизов, негодовал, что на полотне,

<sup>46</sup> Г. Мозер — Императорско-королевскому министерству финансов, Париж, 18 августа 1899 г. НМВ ЕА NM.

<sup>47</sup> Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 23 сентября 1899 г. НМВ ЕА NM.

<sup>48</sup> Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 18 ноября 1899 г. НМВ ЕА NM.



*Рис. 1. Павильон «Босния и Герцеговина» на Всемирной выставке в Париже.  
Фотография из фондов библиотеки Брауновского университета*

изображавшем принятие христианства, римско-католическая символика оттеснена на задний план, и замысел панно вида современного Сараева никуда не годится. От имени Каллаи и ссылаясь на его согласие, Хёрманн телеграммой попросил Мозера уговорить Муху на внесение изменений, список которых он пришлет позднее. Мозер был в растерянности, поскольку считал позицию Хёрманна глубоко ошибочной, прежде всего потому, что боялся, что заваленный бесчисленными выставочными заказами Муха будет оскорблен прямым вмешательством в его творческую свободу и либо оставит работу незавершенной, либо вообще откажется от боснийского исторического цикла.

В поисках выхода из сложившейся ситуации Мозер начал действовать по двум направлениям. С одной стороны, через давнего венского знакомого и доверенное лицо, начальника боснийского департамента Э. Горовица он попытался расширить и конкретизировать свои комиссарские полномочия, чтобы Хёрманн больше не вмешивался напрямую в строительство парижского павильона. С другой стороны, внешне выказывал готовность принять

его принципиальные возражения и искал возможность убедить министра в правильности концепции Мухи и в художественной ценности написанных им полотен<sup>49</sup>. Это оказалось приемлемым и для самого Мухи, потому что пару дней спустя после отправки письма с критикой деструктивной позиции Хёрманна Мозер телеграфировал в Вену:

Мне удалось убедить Муху в необходимости внесения нужных изменений в исторические сюжеты. Он сохранил одну-единственную картину с православным мотивом и ждет отклика из Сараева<sup>50</sup>.

Впоследствии выяснилось, что изменения, внесенные в готовую картину «Принятие христианства», были формальными и минимальными и, по сути, не меняли ее характера. Для нейтрализации Хёрманна и удовлетворения его тщеславия хороший тактик Мозер попросил его предложить варианты заполнения пока еще чистых стен. Не исключено, что именно тогда родилась идея завершающей картины цикла — символическое изображение трех главных современных конфессий: католический епископ, освящающий воду православный священник и возводящие мечеть мусульмане. Ни Мозер, ни Муха не соглашались на изменения в воплощавшей Боснию картине на фризе фасада и твердо стояли на первоначальном варианте. В феврале 1900 г. Мозер писал начальнику боснийского департамента Горовицу:

Это не аллегория и не апофеоз, и все-таки это самая впечатляющая часть художественной композиции. Муха мне обещал, что захватит с собой в Вену фотографии и покажет тебе. Решай сам. Когда Хёрманн написал мне, что министр хотел бы видеть на этом месте изображение хоровода, картина уже была готова. В незавершенные картины были внесены все требуемые изменения. Тебе решать, переписывать ли это полотно. Я во всем следую твоим указаниям, но я не позволю, чтобы ошибки, на которых настаивает Хёрманн, загубили проект и уничтожили необходимую симпатию, которая возникла между мной и Мухой, и я не допущу упреков в свой адрес там, где я уверен в своей правоте<sup>51</sup>.

<sup>49</sup> Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 22 ноября 1899 г. НМВ ЕА НМ.

<sup>50</sup> Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 30 ноября 1899 г. НМВ ЕА НМ.

<sup>51</sup> Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 15 февраля 1900 г. НМВ ЕА НМ.

Из-за болезни Мозера в Вену поехал один Муха, где с помощью фотографий должен был убедить руководство общего Министерства финансов в своей концепции росписи главного внутреннего фасада. Было бы интересно узнать, встречался ли он лично с министром, но так или иначе, его поездка завершилась полным триумфом<sup>52</sup>. В конце февраля художник закончил роспись и украшение боснийского павильона, и позднее принял участие в создании экспозиций из ремесленных и кустарных объектов. Боснийская выставка вместе с австрийским и венгерским павильонами двуединой монархии относилась к тем немногим, которые на момент открытия были полностью готовы к приему посетителей. Этим объясняется то, что все три выставочных объекта немедленно оказались в центре общественного внимания. В середине апреля появилась такая заметка:

Венгерский павильон и выставка США, а также боснийский особняк открылись, и в них уже побывали толпы народа. Все в восторге от художественного решения боснийского павильона, от фресок Мухи и круговой панорамы Сараева Адольфа Кауфманна. Не ослабевает интерес к боснийской продукции <...>. Австрия, Венгрия и Босния с успехом открыли свои экспозиции, и это не укрылось от внимания восторженной общественности<sup>53</sup>.

Благодаря прекрасным связям Мозера с прессой, французские, английские и немецкие газеты пестрели восторженными заметками о боснийской выставке, где высокое искусство и ремесленная продукция народа, вставшего на путь цивилизации, соединились с гастрономическими изысками<sup>54</sup>. Под впечатлением от откликов в прессе министр финансов в середине мая лично в письме поздравил Мозера с успехом выставки, особо подчеркнув роль занятых в проекте художников, в том числе высоко оценил произведения Альфонса Мухи.

<sup>52</sup> Э. Горовиц — Г. Мозеру, Вена, 20 февраля 1900 г. HMB EA NM.

<sup>53</sup> Von der Pariser Weltausstellung // Neue Freie Presse. Abendblatt. 1900. 17 IV.

<sup>54</sup> The Paris Exhibition // The Times. 1900. 25 IV; Le Pavillon de la Bosnie-Herzégovine // Encyclopédie du Siècle. 1900. № 66; Bosnie-Herzégovine // Figaro Illustré. 1900 (Mars); Die Jahrhundert-Ausstellung. Der Pavillon von Bosnien und der Herzegovina um die Culturentwicklung unter österreichischer Herrschaft // Kölner Zeitung, 1900. 13 V.

## Послесловие

На рубеже XIX–XX вв. благодаря последовательной и многовекторной коммуникационной стратегии Беньямина Каллая в общественном мнении Австро-Венгрии и других стран удалось во многом побороть упрощенный и обобщенный взгляд на Боснию и Герцеговину как страну восточной отсталости, прибежище религиозного фанатизма и ненависти. Процесс формирования позитивного образа страны символически венчало появление Боснии и Герцеговины в качестве отдельного субъекта, представленного собственным павильоном на Всемирной выставке 1900 г. Такой возможности среди автономных территорий в системе европейских государств удостоилось только Великое княжество Финляндское, входившее в состав Российской империи.

Успех боснийской выставки во многом способствовал тому, что международная дипломатия того времени стала рассматривать Боснию и Герцеговину уже не как зону перманентного кризиса, но как главный фактор безопасности и мира на континенте, как страну, которая под управлением Австро-Венгрии постепенно модернизировалась и наверстывала разрыв с европейской цивилизацией. Изменение взглядов в концерте европейских держав ярко отразилось в оценке двух десятилетий министерской карьеры Каллаи, данной русским послом в Вене Петром Алексеевичем Капнистом (1839–1904). Он считал, что Каллаи провел успешные административные и судебные реформы в Боснии и Герцеговине, которые обеспечили мирное сосуществование мусульман и христиан, в то время как великие державы в XX в. безуспешно экспериментировали, чтобы устранить межконфессиональные конфликты в трех европейских провинциях Османской империи<sup>55</sup>.

Наряду с успехами в области модернизации, репутация Каллаи как просвещенного министра была основана на щедрой бюджетной поддержке художественных и научных достижений, представлявших цивилизационное развитие Боснии и Герцеговины. Финансируя девять томов журнала *Нада* («Надежда»), основанного в Сараеве в 1895 г., он поощрял развитие литературы посредством государственного патронажа, способствовал возрождению югославянской

<sup>55</sup> Подробнее см.: Ress 2006a: 222–223.

литературы, ее отходу от национального постромантизма. Он основал Национальный музей для сохранения археологических памятников Боснии и Герцеговины и, под руководством Лайоша Таллоци, поддержал исследования и публикации ряда славянских историков для написания неизученной средневековой истории страны.

Помимо покровительства науке и искусству, его личность и политическая карьера отмечены непрерывной готовностью сотрудничать с чехами. Он был одним из немногих венгерских политиков, которые в 1871 г., в ответ на вызов основания Германской империи, публично выступили за необходимость примирения с чехами во имя сохранения Габсбургской монархии. В период пребывания на посту министра общего Министерства финансов он охотно задействовал в боснийской администрации чешских инженеров и чиновников, которым не было равных в управленческой работе<sup>56</sup>.

Именно так в 1886 г., в молодом возрасте, в штат боснийского провинциального правительства попал талантливый архитектор Карел Паржик (1857–1942), спроектировавший ряд общественных зданий, определивших современный облик Сараева. Главным детищем чешского архитектора Карела Панека, автора боснийского павильона на выставке в Париже, стало возрождение знаменитого купального курорта Илизде в окрестностях Сараева, пришедшего в запустение во времена османского владычества, и его превращение в привлекательный туристический центр. Неудивительно, что, имея подобный опыт общения с чехами, Каллаи на предложение Мозера сразу же ответил согласием и доверил Альфонсу Мухе создание исторического цикла, украшавшего боснийский павильон. Честолюбивый художник с радостью взялся за заказ без каких-либо предварительных политических условий, поскольку его монументальный замысел «Павильон Человека» (*Pavillon de l'Homme*), созданный специально для Всемирной выставки, не был реализован из-за нехватки средств. Репутация Мухи в славянской исторической живописи была основана на его изображении истории Боснии. Тем не менее, в воспоминаниях на склоне лет, будучи признанным художником чехословацкой нации, он не назвал своего настоящего заказчика Бенямина Каллая потому, что его политика в Боснии неоднократно подвергалась резкой критике со стороны молодого Томаша Гаррига

<sup>56</sup> Ress 2006a: 215–216.

Масарика (1850–1937), будущего президента-основателя Чехословацкой Республики<sup>57</sup>.

В заключение, необходимо упомянуть о политических импликациях использования памяти о самостоятельном участии Боснии и Герцеговины во Всемирной выставке 1900 г. На рубеже тысячелетий боснийско-французская писательница Ясна Шамич (род. в 1949 г.), жившая в Париже, впервые посвятила широкую читательскую аудиторию в детали создания и символического значения боснийского павильона в одноименном романе, который был издан в двух французских и отдельно боснийском изданиях<sup>58</sup>. Одновременно с художественным романом она также опубликовала в Сараеве научную монографию по этой теме. Книги стали первыми попытками легитимировать федеральную независимую государственность Боснии и Герцеговины, завоеванную в ходе кровопролитной гражданской войны, сигнализировали об очередном развороте страны в сторону европейской интеграции и опровергали живучие негативные представления о том, что Босния все еще остается страной варварства, ненависти и страха<sup>59</sup>.

*Перевод с венгерского О. В. Хавановой*

### Список сокращений

фт. — форинт (денежная единица)

AT-OeStA — Österreichisches Staatsarchiv, Wien

HHStA — Haus-, Hof- und Staatsarchiv

HMB EA NM — Historisches Museum Bern. Ethnographische Abteilung.  
Nachlass Henri Moser

HU-MNL-OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest

Kt. — Karton

MdÄ — Ministerium des Äußerns

ÖAdW — Österreichische Akademie der Wissenschaft

PL — Presseleitung

<sup>57</sup> Redžić 1965: 375–376; Ress 2006b: 68–69; Malečková 2021: 147–149.

<sup>58</sup> Šamić J. Pavillon Bosniaque. Istanbul: Isis, 1996; Šamić J. Bosanski paviljon. Sarajevo: Svjetlost, 2000; Šamić J. Pavillon bosniaque/ “Palais des illusions” Paris; Orléans: Dorval éditions, 2005.

<sup>59</sup> Šamić 2001: 21–38, 162–170.



## Литература

- Cameron 2023 – *Cameron R.* “An Oriental Holiday”: constructing Bosnia and Herzegovina as a destination in British tourist literature, c. 1890–1914 // *Journal of Tourism History*. Vol. 15. Iss. 3. P. 233–256.
- Csaplár-Degovics 2022 – *Csaplár-Degovics K.* “Nekünk nincsenek gyarmataink és hódítási szándékaink.” Magyar részvétel a Monarchia gyarmatosítási törekvéseiben a Balkánon (1867–1914). Budapest: ELKH Bölcsészettudományi Kutatóközpont Történettudományi Intézet, 2022. 452 old.
- Eysoldt 1914 – *Eysoldt G.* Der Zollkrieg zwischen Frankreich und der Schweiz in den Jahren 1893 bis 1895 // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1914. Bd. 4. S. 388–400.
- Hlavačka, Orliková, Štembera 2002 – *Hlavačka M., Orliková J., Štembera P.* Alfons Mucha – Paříž 1900: Pávilon Bosny a Hercegoviny na světové výstavě = Alphonse Mucha – Paris 1900: The pavilion of Bosnia and Herzegovina at the world exhibition. Prague: Obecní dům, 2002. 98 s.
- Kammerhofer 1996 – *Kammerhofer L.* Diplomatie und Pressepolitik 1848–1918 // *Die Habsburgermonarchie 1948–1918* / hrsg. von A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Bd. VI. Tbd. 1. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. Wien: Verlag der ÖAdW, 1996. S. 459–495.
- Lakos 1977–1978 – *Lakos J.* A földművelésügyi miniszter belgrádi szaktudóstójának működése (1911–1914) // *Levéltári Közlemények*. 1977–1978. 48–49. sz., 215–243. old.
- Malečková 2021 – *Malečková J.* “The Turk” in the Czech imagination (1870s – 1923). Leiden: Brill, 2021. 240 p.
- Palavestra 2014 – *Palavestra A.* Arheološki izlet u pograničnu koloniju // *Etnoantropološki problemi*. 2014. Vol. 9. № 3. S. 669–695.
- Pfaff 1969 – *Pfaff R.* Henri Moser // *Schaffhauser Beiträge zur Vaterländischen Geschichte*, 1969. Bd. 46. S. 212–222.
- Rampley 2021 – *Rampley M.* Decolonizing Central Europe: Czech art and the question of “colonial innocence” // *Visual Resources*. 2021. Vol. 37. Iss. 1. P. 1–30.
- Redžić 1965 – *Redžić E.* Kállays bosnische Politik. Kállays These über die “bosnische” Nation // *Österreichische Osthefte*. 1965. Vol. 7. S. 361–378.
- Ress 2006a – *Ress I.* Kállay Béni és Oroszország // *Kelet-Európa: történelem és sorsközösség: Palotás Emil 70. születésnapjára* / szerk. T. Krausz. Budapest: ELTE BTK Kelet-Európa Története Tanszék, 2006. 211–225. old.
- Ress 2006b – *Ress I.* Versuch einer Nationenbildung um die Jahrhundertwende. Benjámín Kállays Konzeption der bosnischen Nation In: *Nation und Nationalismus in Österreich Ungarn, 1848–1938. Prinzipien und Methoden* / hrsg. von E. Kiss, J. Stagl. Wien: LIT Verlag, 2006. S. 59–72.
- Ress 2010 – *Ress I.* Lajos Thallóczy's Begegnungen mit der Geschichte von Bosnien-Herzegowina // *Lajos Thallóczy, der Historiker und Politiker*. Die

- Entdeckung der Vergangenheit von Bosnien-Herzegowina und die moderne Geschichtswissenschaft / hrsg. von D. Juzbašić, I. Ress, A. Gottsmann. Sarajevo; Budapest, 2010. S. 54–80.
- Ress 2019 — *Ress I.* Kállay Béni párizsi embere: Henri Moser — Bosznia-Hercegovina egyedi országgépének kialakítása a 20. századfordulóján // Homályzónák. Felvilágosodás és liberalizmus. Tanulmányok Kecskeméti Károly 80. születésnapjára = Zones d'ombre Lumières et Liberalisme Mélanges offerts à Charles Kecskeméti pour son 80<sup>e</sup> anniversaire. Budapest: Kortárs Kiadó, 2019. 215–231. old.
- Šamić 2001 — *Šamić J.* Pariz-Sarajevo 1900: Svjetska izložba i Bosanski paviljon. Sarajevo: Mediapress, 2001. 170 s.
- Sebestyén 2020 — *Sebestyén Á.* Henri Moser as the commissioner general of the pavilion of Bosnia and Herzegovina at the 1900 Universal Exposition in Paris. In: *À l'orientale: Collecting, displaying and appropriating islamic art and architecture in the 19th and early 20th centuries* / ed. by F. Giese, B. Varela, M. Volait. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 124–136.
- Székely 2009 — *Székely L.* Emlékezés gróf Mikes János szombathelyi megyéspüspökről / szerk. V.A. Soós. Vasszilvagy: Magyar Nyugat Könyvkiadó, 2009. 275. old. (A Magyar Nyugat Történeti Kiskönyvtára, 11).
- Vasas 2001 — *Vasas G.* Utószó // *Asbóth J.* Bosznia és Hercegovina. Útirajzok és tanulmányok. Budapest: Tertia Kiadó, 2001. 238–272. old.
- Weidinger 2009 — *Weidinger A.* Alfons Mucha und der Pavillon für die osmanischen Provinzen Bosnien-Herzegowina auf der Weltausstellung in Paris 1900 // Alfons Mucha. Katalog zur Ausstellung im Belvedere Wien und in der Kunsthalle der Hypo-Kulturstiftung / hrsg. von J.-L. Gaillemain, M. Hilaire, A. Husslein-Arco. München: Hirmer Verlag, 2009. S. 49–55.

## Reference

- Cameron, R., 2023. “An Oriental Holiday”: constructing Bosnia and Herzegovina as a destination in British tourist literature, c. 1890–1914. *Journal of Tourism History*, 15, 3, pp. 233–256.
- Csaplár-Degovics, K., 2022. “*Nekünk nincsenek gyarmataink és hódítási szándékaink*”. *Magyar részvétel a Monarchia gyarmatosítási törekvéseiben a Balkánon (1867–1914)*. Budapest: ELKH Bölcsészettudományi Kutatóközpont Történettudományi Intézet, 452 p.
- Eysoldt, G., 1914. Der Zollkrieg zwischen Frankreich und der Schweiz in den Jahren 1893 bis 1895. *Weltwirtschaftliches Archiv*, 4. pp. 388–400.
- Hlavačka, M., Orliková, J., Štembera, P., 2002. Alfons Mucha — Paříž 1900: Pavilon Bosny a Hercegoviny na světové výstavě = Alphonse Mucha — Paris 1900: The Pavilion of Bosnia and Herzegovina at the World Exhibition. Prague: Obecní dům, 98 p.

- Kammerhofer, L., 1996. Diplomatie und Pressepolitik 1848–1918. In: Wandruszka, A., Urbanitsch, P., eds. *Die Habsburgermonarchie 1948–1918*, VI, 1. *Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen*. Wien: Verlag der ÖAdW, pp. 459–495.
- Lakos, J., 1977–1978. A földművelésügyi miniszter belgrádi szaktudósítójának működése (1911–1914). *Levéltári Közlemények*, 48–49, pp. 215–243.
- Malečková, J., 2021. “The Turk” in the Czech imagination (1870s – 1923). Leiden: Brill, 240 p.
- Palavestra, A., 2014. Arheološki izlet u pograničnu koloniju. *Etnoantropološki problemi*, 9, 3, pp. 669–695.
- Pfaff, R., 1969. Henri Moser. *Schaffhauser Beiträge zur Vaterländischen Geschichte*, 46, pp. 212–222.
- Rampley, M., 2021. Decolonizing Central Europe: Czech art and the question of “colonial innocence”. *Visual Resources*, 37, 1, pp. 1–30.
- Redžić, E., 1965. Kállays bosnische Politik. Kállays These über die “bosnische” Nation. *Österreichische Osthefte*, 7, pp. 361–378.
- Ress, I., 2006. Kállay Béni és Oroszország In: Krausz T., ed. *Kelet-Európa: történelem és sorsközösség: Palotás Emil 70. születésnapjára*. Budapest: ELTE BTK Kelet-Európa Története Tanszék, pp. 211–225.
- Ress, I., 2006. Versuch einer Nationenbildung um die Jahrhundertwende. Benjamin Kállays Konzeption der bosnischen Nation. In: Kiss, E., Stagl, J., eds. *Nation und Nationalismus in Österreich Ungarn, 1848–1938. Prinzipien und Methoden*. Wien: LIT Verlag, pp. 59–72.
- Ress, I., 2010. Lajos Thallóczy's Begegnungen mit der Geschichte von Bosnien-Herzegowina. In: Juzbašić, D., Ress, I., Gottsmann, A., eds. *Lajos Thallóczy, der Historiker und Politiker. Die Entdeckung der Vergangenheit von Bosnien-Herzegowina und die moderne Geschichtswissenschaft*. Sarajevo; Budapest, pp. 54–80.
- Ress, I., 2019. Kállay Béni párizsi embere: Henri Moser – Bosznia-Hercegovina egyedi országgképeinek kialakítása a 20. századfordulóján. In: Borsi-Kálmán, B., ed. *Homályzónák. Felvilágosodás és liberalizmus. Tanulmányok Kecskeméti Károly 80. születésnapjára = Zones d'ombre Lumières et Liberalisme Mélanges offerts à Charles Kecskemetipourson 80e anniversaire*. Budapest: Kortárs Kiadó, pp. 215–231.
- Šamić, J., 2001. *Pariz-Sarajevo 1900: Svjetska izložba i Bosanski paviljon*. Sarajevo: Mediapress, 170 p.
- Sebestyén, Á., 2020. Henri Moser as the commissioner general of the pavilion of Bosnia and Herzegovina at the 1900 Universal Exposition in Paris. In: Giese, F., Varela, B., Volait, M., eds. *À l'orientale: Collecting, Displaying and Appropriating Islamic Art and Architecture in the 19th and Early 20th Centuries*. Leiden; Boston: Brill, pp. 124–136.

- Székely, L., 2009. Emlékezésgróf Mikes János szombathelyi megyéspüspökről. Vasszilvagy: Magyar Nyugat Könyvkiadó, 275 p. (A Magyar Nyugat Történeti Kiskönyvtára, 11).
- Vasas, G., 2001. Utószó. In: Asbóth, J. *Bosznia és Hercegovina. Útirajzok és tanulmányok*. Budapest: Tertia Kiadó, pp. 238–272.
- Weidinger, A., 2009. Alfons Mucha und der Pavillon für die osmanischen Provinzen Bosnien-Herzegovina auf der Weltausstellung in Paris 1900. In: Gaillemain, J.-L., Hilaire, M., Husslein-Arco A., eds. *Alfons Mucha. Katalog zur Ausstellung im Belvedere Wien und in der Kunsthalle der Hypo-Kulturstiftung*. München: Hirmer Verlag, pp. 49–55.

Imre Röss

PhD, Leading Research Fellow, Institute of History, Research Centre for the Humanities, HUN-REN Research Network, Budapest, Hungary. 1097, Tóth Kálmán u. 4. E-mail: röss.imre@abtk.hu

## **Henri Moser — Benjamin Kállay's Man in Paris: To the History of Alfons Mucha's Participation in the Design of the Bosnia and Herzegovina Pavilion at the 1900 World Exhibition**

This article is devoted to a hitherto unexplored aspect of the work of Benjamin Kállay, who was Minister of the joint Ministry of Finance of Austria-Hungary from 1882 to 1903 and in this capacity supervised the transformation of the province of Bosnia and Herzegovina. He succeeded in creating an administrative framework for the formation of an independent Bosnian nation, based on the principle of equality between Muslim and Christian communities, and successfully integrated the province into the liberal constitutional organisation of the dual monarchy. To promote the successes of Bosnian modernisation, Kállay established non-governmental representation in France in 1895, promoting — through various medial strategies — a positive image of the country in the eyes of the international community that would dispel the bloody memories of the religious conflicts. In the course of archival research in the Historical Museum of Bern, Switzerland, the author of this article discovered the personal archive of Heinrich (Henri) Moser, a merchant and orientalist, a connoisseur of the Muslim world of Central Asia and a confidant of Kállay, who for about 10 years successfully interacted with the world press, attracted foreign investment to Bosnia, promoted Bosnian goods on world markets, and turned Bosnia into a popular tourist destination with an oriental flavour. Moser's correspondence and other documents from the Swiss museum made it possible to reconstruct in detail the history of the creation of the Bosnia and Herzegovina Pavilion at the World Exhibition in 1900 and the involvement of the Czech painter Alfons Mucha, who lived in Paris, in the creation of the innovative art nouveau style circle depicting the country's history, which became the main artistic attraction of the world exhibition.

*Keywords:* Bosnia and Herzegovina, Christian-Muslim coexistence, socio-economic modernisation, country image, influencing of the press, oriental tourism, historical art nouveau painting

Received: 16 June 2024

Accepted 24 July 2024

*How to cite:* Röss, I., 2024. Genrikh Mozer — chelovek Ben'amina Kallai v Parizhe: k istorii uchastiia Al'fonsa Mukhi v rospisi pavil'iona Bosnii i Gertsegoviny na Vsemirnoi vystavke 1900 g. *Central-European Studies*, 7, pp. 72–100. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.3>.